

ПЕРЕД тем как прихватить с собой по дороге на очередную съемку корреспондента «МК», Слава исполнил в своей примерке романс «В плену любви по сути первобытной, бесстыдных рук и ненасытных губ». Разговор продолжился в машине...

— Слава, в этих строчках чувствуется некоторый негатив.

— Нароборот, это класс!

— А откуда же такой сарказм?

— Это не сарказм. Это сожаление об ушедшей любви. В романсе я расстаюсь с героиней и завидую ей в том, что она в плену бесстыдных рук и ненасытных губ.

— Это автобиографический романс?

— Из моей прежней жизни. Мне нагадали, что я жил где-то в XVI веке в Африке и был женщиной.

— То есть опыт этих самых ненасытных губ ты, можно сказать, испытал на собственной шкуре?

— Да. Причем «бесстыдные руки» тогда были, естественно, мужские.

— Ну, понятно. Поэтому, видимо, в романсе ты так удачно вошел в роль женщины, от имени которой поешь...

— Ха-ха, я вошел в образ мужчины, который тоскует по женщине. Не надо передеживать...

— Вернемся к твоей прежней жизни. Ты был, видимо, негритянкой?

— Вот этого не знаю. Но больше хотелось бы быть белой миссионершей, отправившейся в Африку с христианской миссией. Но здесь я, увы, никаких воспоминаний о себе не сохранил.

— Давай поговорим немножко о музыке.

— Давай.

— Вот недавно ты показал мне очень симпатичный стишок о той части тела, при упоминании о которой обычно краснеют.

— Называется — о музыке поговорим, да?

— Тем не менее ты сперва разрешил «Звуковой дорожке» опубликовать этот стишок, а потом передумал. Может, ты хотя бы на словах объяснишь нашим читателям смысл и содержание сего сочинения?

— Ну да, а ты споешь...

— Я так понимаю, что стих был написан в тяжелый период твоей жизни, иначе с чего бы это вспоминать в поэтическом произведении столь прозаическую часть тела?

— Дело в том, что, позволив опубликовать это стихотворение или не позволив, зависит от того, сколько еще моих стихотворений будет опубликовано в «Московском комсомольце». Было бы обидно, если бы этот стих выглядел квинтэссенцией моего творчества...

— Но мы же не литературное издание и не можем на всех четырех страницах публиковать стихи пусть даже такого замечательного автора, как Вячеслав Малечик.

— Ну, не знаю...

— А если вспомнить атмосферу, в которой писалось это стихотворение? Это же были годы жестокого тоталитаризма...

— А кто сказал, что он был жестокий?

— Ну как же? Так все говорят. А разве нет? Может, это стихотворение было твоим протестом против тогдашних устоев общества?

— Нет, ну это просто был один штрих в дневнике моей жизни, который состоит из многих других штрихов. А что касается протеста, видишь ли, если человек родился и вырос без слуха, то он никогда не ощутит, что жить без слуха плохо. Наверное, в те времена лично я был в определенной степени неслышащим и не ощущал в этом какой-то драмы. Я воспринимал так называемую эпоху тоталитаризма как некую заданность, которую довольно сложно переломить, и не чувствовал в себе ни физических, ни умственных способностей свернуть это дело, в том числе и с помощью своего творчества. Может быть, поэтому я в отличие от многих других долгое время не запрещался. Благополучно прожил все тоталитарные семидесятые, начало восьмидесятых, а запрещать меня начали где-то году в 85-м.

— С началом перестройки?

— Нет, не с началом перестройки. Существовала же сильная инерция. Перестройка в культуре началась где-то году в 87—88-м, когда со сцены начали шпарить все, что угодно, и демонстрировать те самые замечательные части тела. А 1985 год в культуре — это самый разгар застоя.

— И с чего это вдруг ты угодил в немильность?

— Да из-за песен «Цифры», «Черный рынок». В них обнаружили очернительство, а наше общество, как ты, наверное, помнишь, было тогда исключительно здоровым.

— А с чего это вдруг ты после лирического десятилетия семидесятых начал обнажать под закат застоя социальные язвы общества?

ВЯЧЕСЛАВ МАЛЕЖИК СООБЩИЛ, ЧТО ОН СНОВА ВСТУПАЕТ В МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ

— Дело в том, что в кругу друзей, на кухне я мог обнажать эти самые язвы сколько угодно. Но когда я сажусь за рабочий стол и начинаю писать для публики, я имею право на подобное «обнажение» только в том случае, если у меня действительно возникают достойные художественные образы. Эти художественные образы родились у меня именно в то время.

— А что ты думаешь о тех людях, которые и в семидесятые не воспринимали тоталитаризм как некую заданность и активно бунтовали?

— Конечно, я не берусь говорить за всех. Но сейчас я читаю в прессе, что, оказывается, все были диссидентами. Головоно! Многие, кто тогда был посажен за фарцовку, как сейчас выяснилось, на самом деле проявляли высший пилотаж диссидентства. В форме, надо полагать, фарцовки...

— А кого ты имеешь в виду?

— Какая сволочь, а! Какой гад!.. Ну, скажем так, я не помню фамилий этих людей... Я действительно говорил только за себя, я принимал это как заданность и играл в ту игру, в которую играл. Быть может, у меня действительно не было потребности самовыразиться протестом, поэтому, может быть, что пар умело выпускался теми же преподавателями моего института или начальниками военной кафедры, когда мне разрешали в тот или иной момент не стричься. Я уже считал это высокой победой. Дело в том, что, когда я начинал, даже определенный внешний вид, некая униформа могли быть формой протеста против тогдашних устоев и истеблишмента — тоталитарных, как бы ты, наверное, сказал.

— Ты стоял в начале пути российского рок-н-ролла. В середине 60-х это называлось бит-музыкой. Какая из тусовок — тогдашняя или нынешняя — тебе нравится все-таки больше?

— Во-первых, слова «тусовка» тогда не было. Если же выражаться той терминологией, которой пользуется «Московский комсомолец», то, конечно, мне та тусовка была ближе. Это и понятно — я был тогда молод и юн.

— Чем же она была лучше?

— Тем хотя бы, что никто не знал, что на этом деле можно зарабатывать большие деньги, и поэтому элемента чистого искусства было значительно больше. Понимаешь?

— Понимаю...

— Когда я пришел в Комитет по охране авторских прав, то узнал, что потерял ужасно много денег из-за своей песни

«Наташка», которую, оказывается, можно было где-то зарегистрировать. А «Наташка» в те годы пелась во всех ресторанах по всей стране. Мне сказали, что я как минимум потерял две «Волги», но они не знали, кому эти деньги отдавать.

— А что это за песня такая замечательная — «Наташка», которую пели во всех ресторанах?

— Я написал ее в 1968 году, и в ней была такая народом полюбовившаяся строчка шлягерная: «А у девчонок без ребят глаза, как у икон, грустят...»

— Ну, это вообще-то очень оригинально — разработать тему половой неудовлетворенности через образ иконы...

— Ха-ха-ха... Об этом никто не думал. Хотя в первой версии песни была пара строчек, которых я сам испугался, потому

и т. д. Поэтому и мы пели все больше про любовь, и это считалось очень круто. Никто и не думал петь про колбасу или ветчину. Справедливо, правда, и то, что мы этим вовсе не собирались восставать против общества, как это тогда подразмывалось на Западе. Первая волна рок-музыкантов занималась все-таки больше копировкой, подражанием. Это была больше школа, чем акт осознанного творчества. Очень робко нащупывалось какое-то свое поэтическое зерно, которое дало всходы значительно позже — уже в семидесятые.

— А потом...

— Потом я сам для себя определил, что принадлежать к определенной жанровой стилистике и быть борцом за чистоту жанра — в некотором смысле дон-

Было просто везение, обыкновенный случай и стечение обстоятельств.

— Счастливы ли ты оттого, что коммунизм в России закончился?

— Не знаю... Во-первых, его не было, он не был построен, поэтому говорить о том, что коммунизм кончился, довольно некорректно.

— Разве все то, что произошло в России за последние семьдесят лет, не было коммунизмом в его самом естественном, подлинном обличье?

— Нет, видимо, это была переходная стадия. Даже официальная пресса так говорила. Коммунизма не было. В принципе коммунизм — это ванька-встанька на голове. То, что заложено в коммунистических идеалах, имеет мощную корреляцию с понятиями и догмами христианства.

— Ты говорил о том, что на начальном этапе любой музыкант проходит школу подражательства именитым авторитетам. Что в этом смысле было школой для тебя?

— Как музыкант я испытывал влияние очень многих компонентов. Это были и русская народная музыка, и симфоническая классика, и джаз. Как ни парадоксально, увлечения рок-н-роллом у меня на той стадии, а это было начало 60-х, не было...

— Ну и, конечно, меня формировали как творческую личность хороший театр, хорошее кино, хорошая литература... Знаешь, мне очень понравилась фраза Курта Воннегута, которая в чем-то противоречила моим взглядам, но, с другой стороны, очень мне польстила. Он сказал: достаточно прочитать одну книгу, чтобы считать себя образованным и умным человеком, — это книга Достоевского «Братья Карамазовы». К тому времени я перечитал ее несколько раз. Так что теперь вообще можно не читать.

— Чем же еще живет Малечик помимо творчества, музыки и семьи?

— Сейчас стало модным говорить — доставкой продуктов и мебели. У меня с этим пока все в порядке... У меня есть много других увлечений и занятий. Если коротко, я могу сказать, что во всех областях человеческих слабостей я — не кастрированный человек.

— Есть ли какие-то вещи, которых ты не можешь себе позволить?

— Ну, чисто умозрительно мне, может быть, много чего хотелось бы. Например, попробовать кокаина или героина. Но сильно табу, сформированное годами. Я уже, далеко не мальчик и вряд ли когда-нибудь переступлю определенную черту.

— Где ты предпочитаешь отдыхать?

— Раньше мне очень нравилось ездить в студенческий лагерь МГУ «Буревестник» в Туапсе. Там собиралось очень много интересных людей, много музыкантов. Но сейчас меня все узнают, хотя популярность и упала, но узнают гораздо больше, чем во времена, скажем так, кассового успеха. И выезд в людные места превращается в некое подобие зоопарка. Поэтому сейчас я предпочитаю бывать в одиночестве.

В ЭТОТ момент мы подъехали к ЦДРИ. Времени близилось к полнучию. Машина еле пробиралась сквозь горы коричневой жижи и отходов вольного рынка, живописно обволакивающих со всех сторон некогда холеный и чистенький «Детский мир» на Лубянке. Поехавшись от восторженного ночного тумана, мы, крахты, вылезли из «Жигулей». Слава снял дворянские сапожки, проверил сигнализацию, вооружился гитарой и, махнув ручкой, сказал на прощание:

— А где же взять такую песню?..

Артур ГАСПАРЯН.

Легкий треп с приятным человеком Славой МАЛЕЖИКОМ в его машине поздним субботним вечером по пути из С.К. «Олимпийский» в ЦДРИ

что учился в институте и боялся, что меня выгонят. Там была такая строчка — «В окне Наташка мечется — она на третьем месяце». Я посчитал, что эта строчка может вызвать гнев у деканата и в результате я не получу образование инженера. Поэтому строчка была переделана — «В окне Наташка мечется, как дерзкая разведчица»...

— Ну, это последнее получилось...

— Впоследствии, уже во времена перестройки, эта строчка послужила причиной того, что художественно не утвердил песню на пластинку на фирме «Мелодия», потому что ее посчитали малохудожественной. Так что бог шельму метит... Если же говорить о рок-н-ролле, тогда — бит-музыка, то, по определению, он как бы несет в себе генетический заряд протеста, и мы подражали западным группам именно с песнями о любви, потому что тогда на Западе битники протестовали против своего истеблишмента, против устоев общества, утверждая нормы сексуальной революции, понятия вселенской любви, детей-цветов

кихотство. Тем самым я бы укладывал себя в некое прокрустово ложе, и это мешало бы мне самовыразиться. Я ведь в общем-то занимаюсь тем, что самовыражаю свою душу, и возможно, что лирика, которую я пою на сегодняшний день, — более буржуазная музыка с точки зрения фэнов рок-н-ролла — лучше определяет на данный момент состояние моей души и моих мыслей. Зачем же я буду себя насиловать и натужно изображать лукавый протест и рок-н-ролл?.. При этом я могу сказать, что не запятнал свою репутацию исполнением всяких большевистских песен, хотя и состоял на службе в официальном ВИА. Но, с другой стороны, я не думаю, что у меня в те годы хватило бы духу отказать художественному руководителю, если бы мне предложили спеть что-то про БАМ или стройки коммунизма. Просто мой голос не вписывался в необходимые для исполнения таких произведений параметры, и это меня в общем-то спасло. Поэтому говорить о каком-то целомудрии здесь, конечно, не приходится.

— И все-таки, если положить все на чашу весов, — семья больше помогла или обременяла в твоём творчестве?

— Честно говоря, я не знаю... Ну, жена была для меня еще и редактором. Я не буду говорить, что она там вдохновляла меня на всякие подвиги в создании каких-то там песен — чаще меня вдохнов-

ляли стихи моих соавторов. Но она была редактором, за что я ей очень благодарен. Во всяком случае, в ругани жены, если она обрушивалась на какую-нибудь мою песню, не нужно было искать користи. К тому же я считаю, что у каждой творческой личности должен быть жесткий редактор, и хуже было бы, если бы меня только похваливали бы, смотрели на меня с открытым ртом и говорили — ах, ах, какой ты гениальный, какую новую нетленную песню сочинил!

— С женой ты ругался исключительно на почве плохих текстов и песен?

— Ну, помнится, была одна почти мафиозная история, когда я пытался выставить жену из дома. Она тогда училась в школе-студии МХАТа, и меня убедили в том, что для успешного завершения учебы необходимо отдать нашего полуторагодовалого ребенка воспитываться к бабушке — ее матери, моей теще соответственно. А бабушка жила в другом городе. Когда настала пора возвращать ребенка, то выяснилось, что моя теща и сестра жены так полюбили нашего Никитку, что просто выкрали его у нас. Я сказал жене, чтобы она ушла из дому и не возвращалась назад без ребенка.

— Ты говорил о том, что на начальном этапе любой музыкант проходит школу подражательства именитым авторитетам. Что в этом смысле было школой для тебя?

— Как музыкант я испытывал влияние очень многих компонентов. Это были и русская народная музыка, и симфоническая классика, и джаз. Как ни парадоксально, увлечения рок-н-роллом у меня на той стадии, а это было начало 60-х, не было...

— Ну и, конечно, меня формировали как творческую личность хороший театр, хорошее кино, хорошая литература... Знаешь, мне очень понравилась фраза Курта Воннегута, которая в чем-то противоречила моим взглядам, но, с другой стороны, очень мне польстила. Он сказал: достаточно прочитать одну книгу, чтобы считать себя образованным и умным человеком, — это книга Достоевского «Братья Карамазовы». К тому времени я перечитал ее несколько раз. Так что теперь вообще можно не читать.

— Чем же еще живет Малечик помимо творчества, музыки и семьи?

— Сейчас стало модным говорить — доставкой продуктов и мебели. У меня с этим пока все в порядке... У меня есть много других увлечений и занятий. Если коротко, я могу сказать, что во всех областях человеческих слабостей я — не кастрированный человек.

— Есть ли какие-то вещи, которых ты не можешь себе позволить?

— Ну, чисто умозрительно мне, может быть, много чего хотелось бы. Например, попробовать кокаина или героина. Но сильно табу, сформированное годами. Я уже, далеко не мальчик и вряд ли когда-нибудь переступлю определенную черту.

— Где ты предпочитаешь отдыхать?

— Раньше мне очень нравилось ездить в студенческий лагерь МГУ «Буревестник» в Туапсе. Там собиралось очень много интересных людей, много музыкантов. Но сейчас меня все узнают, хотя популярность и упала, но узнают гораздо больше, чем во времена, скажем так, кассового успеха. И выезд в людные места превращается в некое подобие зоопарка. Поэтому сейчас я предпочитаю бывать в одиночестве.

В ЭТОТ момент мы подъехали к ЦДРИ. Времени близилось к полнучию. Машина еле пробиралась сквозь горы коричневой жижи и отходов вольного рынка, живописно обволакивающих со всех сторон некогда холеный и чистенький «Детский мир» на Лубянке. Поехавшись от восторженного ночного тумана, мы, крахты, вылезли из «Жигулей». Слава снял дворянские сапожки, проверил сигнализацию, вооружился гитарой и, махнув ручкой, сказал на прощание:

— А где же взять такую песню?..

Артур ГАСПАРЯН.